

Пролог

Июнь 2017 года

Чужие шаги были едва различимы за шумом барабнящего по листьям дождя, вздыхающих на ветру ветвей, грохочущего грузовика, проехавшего вдалеке по Блендфорд-роуд. Мне казалось, что я снова слышала то, чего, по словам Нейтана, на самом деле не было.

Вдоль дорожки горели немногочисленные фонари, тень от Солсберийского собора, подсвеченного прожекторами, падала на гравий. Столетие назад в этом месте убили женщину; в такие пасмурные вечера, как сегодняшний, ходить тут было страшновато.

Иногда констебль, патрулирующий Подворье*, прогуливался поблизости со своей немецкой овчаркой или где-то впереди смеялись идущие домой из паба женщины. Случись так сегодня, я чувствовала бы себя среди людей или, по крайней мере, в большей безопасности. Но мне не повезло.

---

* В оригинале Close (Ближний Круг, Окрестность), имя собственное — историческая территория Солсберийского собора.

Я заторопилась; приближающиеся шаги зазвучали громче. Они казались совершенно реальными. По коже поползли мурашки — будто множество муравьев пробиралось от воротничка к волосам. Мне захотелось провести по шее ладонью, но я боялась наткнуться на чужие пальцы, протянувшиеся к моему горлу.

Я заставляла себя обернуться и не могла, хотя следовало бы. Мне сорок девять, я врач, жена и мать. И я привыкла встречать неприятности лицом к лицу.

Я обошла лужу, а через несколько секунд раздался тихий всплеск — чья-то тяжелая нога ступила в воду.

И тогда я побежала.

Глава 1

Февраль 2017 года

*А*двокат посоветовала изложить все письменно, с самого начала. Но начала как такового не было. Я шла к этому годами. И все же, если выбирать конкретное время, я вернулась бы на пять месяцев назад, к тому моменту, когда припарковала свою машину на почти пустой стоянке. Мне не стоило этого делать. Я могла бы поехать сразу домой; сначала я так и решила. До этой точки боги могли бы удержать меня от кривого пути, и сейчас я сидела бы дома с мужем, а не под слепящей лампочкой в одиночной камере следственного изолятора.

Свет в регистратуре клиники все еще горел, что для восьми часов вечера было довольно странно. Кэрол, должно быть, задержалась на работе, ожидая, пока я верну на место медицинские карты, несколько пачек которых остались у меня на руках после еженедельного осмотра пациентов в Сарумском доме престарелых. Этими описаниями жалоб и обследований, наблюдений и результатов, копившимися на протяжении всей жизни и криво подшитыми под

бледно-коричневые картонные обложки, мы привыкли пользоваться на выезде, потому что они были довольно компактны и напоминали о старом добром прошлом, когда у врачей было больше времени. Роджеру Моррису, одному из владельцев клиники и практикующему терапевту, это нравилось. Он говорил, что подробные записи и сами по себе служат подсказкой другим докторам, а уж пометки на их полях — тем более.

Я чуть не проехала мимо. Нейтан, вероятно, уже вернулся домой и начал готовить ужин. Мы договорились сделать это вместе, я обещала внести свой вклад, но карты — собственность клиники, и, взяв их домой, я нарушила бы правила. Тогда я еще была «хорошей девочкой», как выразился бы Нейтан. Или, по крайней мере, старалась придерживаться установленного порядка.

Чтобы вернуть карты на полку, требовалось всего несколько минут. Я включила правый поворотник и проехала через ворота на стоянку клиники. Решила, что сделаю дело — и сразу назад. Быстро покачу по безмятежным улицам Солсбери, а потом через еще более тихую территорию собора — и все-таки успею к ужину. Мы посмотрим десятичасовые новости, а потом один из нас выведет Пеппера на вечернюю прогулку. Нейтан проверит, заперты ли двери, и мы отправимся в постель.

Обойдемся без секса, который теперь стал редким явлением в нашей жизни. В последнее время Нейтан постоянно думал о чем-то своем, а мне, если честно, не хотелось. Я не могла припомнить, когда занимались любовью в последний раз, но не забыла свою

раздражительность — из-за гормонов или их нехватки — и отсутствие желания тоже. А еще потливость, одолевающую меня по ночам, и головные боли, иногда очень острые. Усталость, и свою, и Нейтана, в которой не было ничьей вины — мы были очень заняты на работе. Но мы были близки, близки достаточно. По крайней мере, я так думала. Секс не имел значения и ни на что не влиял, хотя теперь я вижу, что ошибалась. Его отсутствие повлияло на все.

Мы вели размеренную жизнь, безопасную и спокойную, на зависть многим. В спальне у каждого в изголовье висел отдельный прикроватный светильник, тишину нарушал только шорох переворачиваемых нами страниц. Нейтан минут через десять обычно откладывал книгу, выключал свою лампу, отворачивался и засыпал. А я лежала без сна, иногда всю ночь слушая, как колокола собора отбивали каждую четверть часа, и думала о Лиззи, о своих пациентах, о списке дел на следующий день, об обходах и результатах, записях и приемах. Когда мое сердце начинало учащенно колотиться, а мысли превращались в кашу в голове, я поднималась, чтобы заварить себе чашку чая, а затем снова возвращалась в постель. Слушала шум проезжающих машин и наблюдала, как по потолку скользят и исчезают успокаивающие, таинственные и дружественные призрачные пятна света.

«Киа» Кэрол стояла на парковке рядом с «Фордом» Дебби. Через два пустых места от них был припаркован красный «Мерседес» — кабриолет с опущенным верхом. В феврале. Видимо, кто-то с билетами в театр

хотел произвести впечатление на свидании и при-
ткнул здесь машину в самый последний момент.

Был ли там еще один автомобиль, стоявший
в дальнем углу, где под нависающими ветвями бле-
стел вечно скользкий из-за гниющих листьев ас-
фальт? Возможно, только я не заметила — к тому
времени уже стемнело, а под деревьями особенно
сильно. Я бросила взгляд на свое отражение в свер-
кающем от падающего из окон клиники света боку
«Мерседеса» — маленькая фигурка с развевающимися
волосами боролась со встречным ветром. К счастью,
было слишком поздно, чтобы столкнуться с кем-то
из пациентов, и это вселяло надежду, что визит ока-
жется недолгим.

Я ошиблась. Напряженная обстановка почувство-
валась сразу у входа. Кэрол нагнулась над стойкой
регистрации, держа в руках карточку временного
пациента. Беременная Дебби, стоявшая рядом с по-
темневшими от усталости глазами, слушала ее, скло-
нив голову к плечу и прикрывая живот рукой. Мне
вспомнилось собственное состояние после дежурств
в клинике двадцать четыре года назад. Я уловила
лишь конец фразы:

— ...риск суицида. Я отвела его в кабинет Рэйчел.
Понимаю, что уже слишком поздно, но я не смогла
отказать.

В этот момент Нейтан, наверное, уже откупори-
вал вино на кухне. Охлажденное «Шардоне», его
любимое. Я обычно предпочитала красное, особен-
но зимой — после рабочего дня мне хотелось теп-
ла. Я представила, как муж поглядывает на часы. Но
упоминание о возможном суициде качнуло весы

в другую сторону. Перед моим внутренним взором всплыло лицо Лиамы. Круги под глазами, сжатые кулаки, отчаяние, которого я не замечала.

— Я разберусь с этим, Дебби.

От моих слов она вздрогнула и обхватила руками живот. Я не хотела ее напугать, но дверь открывалась бесшумно и в клинике год назад заменили ковровлин. Он был новый, плотный и хорошо заглушал звук шагов.

— Так будет лучше. — Я сбросила кипу карточек в лоток для входящих документов. — Тем более он уже в моем кабинете.

— Ты оставила его незапертым. — Кэрол провела рукой по своим блестящим волосам. — Пациент показался мне очень расстроенным.

— Не переживай, — тепло улыбнулась я ей. — Я рада, что ты ему не отказала.

Как и регистратура, кабинет Дебби был сугубо функционален. Мать малыша, беременная вторым, не имела времени, чтобы придать рабочему месту хоть малость домашнего уюта. Впрочем, она в этом не нуждалась. Ее жизнь за стенами клиники и без того была наполнена яркими красками, шумом, звонками подруг, детьми, смехом и болтовней.

Наша с Нейтаном жизнь была очень тихой. Мужу нравился пастельный оттенок стен — дома ему хотелось покоя. Зато для своего рабочего кабинета я выбрала цвета по собственному вкусу. Бирюзовые стены, постер со Средиземным морем: красные лодки на фоне синевы; фотография вулкана, извергающего золотые и алые брызги раскаленной лавы. А еще фото Нейтана с Лиззи на столе, коробки с игрушками под

кушеткой и красные кресла-мешки, чтобы дети могли на них валяться. Для приятного запаха я расставила повсюду пучки сушеной лаванды из сада моей соседки Виктории. Все эти мелочи придавали уют. Во всяком случае, мне самой они доставляли удовольствие.

— Но сегодня мое дежурство. — Дебби неловко наклонилась за своей сумкой. Она не хотела ни жалости, ни снисхождения. Я ее понимала, я сама была такой. Опустив глаза, я заметила ее отекавшие лодыжки. Такими они бывают в третьем триместре беременности, если весь день проводить на ногах.

— Будешь мне должна, если тебе так легче. — Я тоже устала, но когда тебе далеко за сорок, эта усталость иного рода, чем у беременных. Она никогда тебя не оставляет, к ней привыкаешь и идешь по жизни дальше.

Дебби выпрямилась и посмотрела на меня равнодушным взглядом, в котором читались и облегчение, и чувство вины, и возмущение, и гордость. Все это мне было знакомо по собственному опыту, и я захотела ее обнять. Ей было всего двадцать шесть — на два года больше, чем Лиззи. Я не могла припомнить, когда в последний раз обнимала свою дочь, та уклонялась от объятий. Недавно она заявила мне, что нуждается в личном пространстве, что так привыкла, что я была слишком занята, пока она росла, а теперь уже поздно наверстывать упущенное. Говорила сквозь смех, но это не было шуткой.

Кэрол, деловито подавшись вперед, принялась вводить меня в курс дела:

— Его имя — Люк Лефевр. — Она аккуратно поджимала губы после каждой фразы, как будто за-

печатывала конверт; это придавало ей осуждающий вид. — Наполовину француз, я полагаю. Живет в Лондоне; собирался домой, но вышло так, что он...

— Спасибо, Кэрол. Я у тебя переспрошу, если потребуется.

Я предпочитала выслушивать самих пациентов. Многое можно понять по молчанию или по позе, по стиснутым рукам или быстрому косому взгляду.

Кэрол протянула мне временную карточку, которую пациент заполнил, пока ожидал, и принялась перебирать и по одной бросать на стойку те, что вернула я. Миленькая белая блузка с вышитыми вокруг воротничка ягнятами смотрелась на ней нелепо, особенно в сочетании с пылающими щеками. Я опять обидела ее. Ни для кого не было секретом, что она предпочитала дежурить с Роджером. Я тоже его любила, все любили. Высокий, добрый, рассеянный Роджер, седовласый и с мягким голосом. Он бы застыл на месте как вкопанный и внимательно выслушал все, что она хотела сказать. Он бы кивал и улыбался с явной благодарностью. А я никогда не отличалась терпением — не только с Кэрол, но и с друзьями, и с родными. Нетерпеливой я была всегда, но Нейтан считал, что в последнее время особенно. «Трудный возраст», — констатировал он, а я промолчала.

Мне следовало выслушать Кэрол, как сделал бы на моем месте Роджер. Оказалось, что она была права, и мне требовалось гораздо больше информации, хотя теперь уже слишком поздно выяснять, что мог сказать ей Люк Лефевр до того как я впервые его увидела. С этим я запоздала на многие месяцы.

Я была бы добрее к Кэрол, если бы только знала; намного, намного добрее. Я совершила одну из тех ошибок, о которых мне предстояло жалеть всю жизнь. Я должна была быть внимательней. Позже выяснилось, что она пела в хоре, по пятничным вечерам ходила на балльные танцы, посвящала свободное время работе в благотворительном магазине. Мне так мало было о ней известно...

Проходя по коридору, я отправила Нейтану сообщение, в котором написала, что задержусь, и попросила поужинать без меня. В огромном здании нашего медицинского центра были довольно длинные коридоры — в нем располагалась еще она клиника, а также физиотерапевты и дипломированные медсестры*. Кэрол забыла включить свет. Пока я шла от регистратуры к своему кабинету, мне казалось, что я все глубже и глубже погружаюсь во мрак. Помню, как я спотыкалась и, продвигаясь вперед, шарила рукой по стене, чтобы не упасть.

Глава 2

Февраль 2017 года

— Ох... Простите. С вами все хорошо?.. То есть я вижу, что нет, но...

Обычно я не запинаясь и не извинялась, разговаривая с пациентами, но этот плакал, и мне показалось, что я вторглась слишком грубо. Женщины

---

* Дипломированная медсестра — высококвалифицированный специалист — медик среднего звена, зарегистрированный в Совете медсестер и акушеров.

рыдают, не стесняясь, а мужчины часто стараются скрыть свое горе. Люк оказался другим; его щетина намочила от слез, и даже воротник был влажным.

Он начал было приподниматься, когда я вошла, но это нарушило бы неписаное правило. Пациенты не встают навстречу врачам. Я положила ладонь на его плечо, и это было еще одно нарушение. Врачи не прикасаются к пациентам, если это не является необходимой частью обследования, но и тогда следует спросить разрешения или, такие уж времена, предложить осмотр в присутствии доверенного лица. «Он расстроен», — придумала я себе оправдание, но истина заключалась в том, что меня к нему тянуло, хоть это было странно. Слишком красивые мужчины обычно меня не интересовали; мне они казались высокомерными и самовлюбленными. У моего мужа была обыкновенная внешность и спокойное, сдержанное выражение лица. Улыбка дружелюбная, но не более необходимого. Лицо Люка Лефевра, напротив, было красивым, выразительным и эмоциональным. Открытым. Он производил впечатление дикаря — не в смысле недостаточной ухоженности, а какой-то своей уязвимостью, как у диких животных. Как будто у него отсутствовала некая заслонка и душа просвечивала сквозь глаза.

Я подала ему цветастую коробку с салфетками, которую Кэрол всегда располагала на моем столе. Он вытащил оттуда целую горсть, вытер лицо и высморкался. Держа ноги под столом, я незаметно скинула туфли. Мои ноги были опухшими, как у Дебби. С недавнего времени это стало обычным явлением, к которому я быстро привыкала. Впрочем, как и к седым

прядам в волосах, болям в суставах больших пальцев рук и необходимости надевать очки для чтения.

Я не смотрела пациенту в лицо, чтобы не смущать, однако приметы были повсюду: крепко сплетенные пальцы, загорелые кисти, аккуратно подстриженные ногти, часы «Ролекс», дорогие мокасины на ногах. Какова бы ни была его проблема, она явно заключалась не в деньгах. Я ждала, и это было меньшее, что можно было сделать для того, кто страдает.

— Все в порядке, — завершила я его. — Торопиться нам некуда.

В клинике стояла тишина, все телефоны к этому времени были уже переключены на дежурный центр. Кэрол не стала бы стучать в дверь, чтобы попросить меня подписать рецепты, а больше я никого не ждала. Я могла бы слушать его сколько угодно. Я дала бы ему время, которого не нашла для Лиама.

Лиам Чемберс явился без записи две недели тому назад, в самые горячие утренние часы. Семнадцатилетний подросток с ничего не выражающим взглядом и выпирающими из-под кожи, как шарики, костями запястий. Он пробормотал, что у него проблемы, но на мои вопросы отвечать не стал, и у нас закончилось время. Я попросила его прийти следующим утром, но в тот же вечер парня нашли в его комнате, свисающим с потолочной балки на поясе от халата. Его мать непустила меня, когда я приходила, но согласилась встретиться через две недели — восьмого февраля, которое, как показывал календарь, наступало уже завтра.

Календарь, подарок от фармацевтической компании, висел на пробковой доске над моим столом

между расписанием дежурств и протоколом лечения почечной недостаточности. «Подсолнухи» Ван Гога на февральском листке. Я никогда как следует не рассматривала эту картину, одно из тех знакомых изображений, мимо которых обычно проскальзывает взгляд, но сегодня обратила внимание, что цветы уже подвявшие. Прежде я этого не замечала. Когда ты вечно занята, то света белого вокруг не видишь, но стоит только взглянуть внимательней — начинаешь распознавать очевидные вещи, которые ранее упустила. Из некоторых цветков уже выпали семечки, но сохранившиеся лепестки пылали, как язычки пламени: шафран, охра и жженная сиена — краски, характерные для юга Франции. Внизу было нацарапано: «Арль»*. Я представила, как колоритно звучало бы это название, если произносить его на французский манер — перекатывая букву «р» во рту, как нечто столь горячее и вкусное, что так и хочется проглотить.

— Там, на повороте дороги к Стоунхенджу, росло большое дерево; оно как будто ждало меня.

Я слегка вздрогнула от его слов, но, кажется, удачно это скрыла. Он говорил с французским акцентом, словно решил его продемонстрировать, заглянув в мои мысли.

— Мне захотелось въехать прямо в него, но следовало сначала позвонить в полицию, чтобы они успели убрать мезиво, прежде чем кто-то на него наткнется.

Я кивнула, скрывая свое потрясение. Он говорил правду, и столь сухое изложение фактов лишь усу-

---

* Город в регионе Прованс, Франция.